

18+

Александр Булдаков

**Путь
по лезвию
ножа. Роман**

Александр Булдаков

Путь по лезвию ножа. Роман

«Издательские решения»

Булдаков А.

Путь по лезвию ножа. Роман / А. Булдаков — «Издательские решения»,

Рыжий, веснушчатый парень с Чукотки — мечтал вернуться домой к матери и новорождённой дочке. Но война не щадит. Роман погиб на руках у друга, закрыв его собой от снайперской пули. История о чести, дружбе и невыполненных обещаниях. О том, кто остался в горах Чечни, и о тех, кто хранит память десятилетия спустя. «Ты жив, пока мы помним».

© Булдаков А.

© Издательские решения

Содержание

ПУТЬ ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Путь по лезвию ножа. Роман

Александр Булдаков

© Александр Булдаков, 2026

ISBN 978-5-0070-1965-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПУТЬ ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА

Книга седьмая: РОМАН

Посвящается тем, кто не вернулся. Тем, кто остался в горах, в песках, в чужой земле. Тем, чьи имена выбиты на граните, а лица стёрлись из памяти людской, но остались в памяти тех, кто был рядом — тех, кто живёт с этим воспоминанием каждый день. Тем, кто прикрыл собой друга и упал, так и не узнав, выполнил ли свой долг до конца. И тем, кто помнит — назло времени, расстоянию, смерти, забвению. Потому что память — это единственное, что остаётся, когда от человека ничего не остаётся, даже костей.

«Ты идёшь по лезвию ножа. Как тот ниндзя из кино. Только ножа не видно. Он внутри. В сердце. В голове. В совести. Главное — не смотреть вниз. Там пропасть — чёрная, глубокая, без дна. Всегда смотри вперёд. На того, кто рядом. На того, кто идёт с тобой плечом к плечу. Потому что если ты отведёшь взгляд — ты упадёшь. А если ты упадёшь — тот, кто рядом, упадёт следом. И тогда некому будет держать лезвие. Держись. Держись за меня. Я держусь за тебя. Обещай, что не отпустишь. Обещай, что дойдёшь до конца. Обещай, что расскажешь моей дочери, кто я был. Не герой. Просто человек, который хотел жить. Обещай».

Из последнего письма рядового Р. С. Романова дочери К., 15 июля 2002 года (не отправлено, найдено в кармане формы после гибели)

Пролог. Веснушки

Анадырь, Чукотский автономный округ, 15 марта 1985 года.

Роман Сергеевич Романов появился на свет в самом восточном городе России, там, где зима длится девять месяцев в году, а летом солнце не садится за горизонт по две недели, где земля промерзает на глубину до ста метров, а олени бродят по улицам в поисках ягеля, покрывающего сопки вокруг города.

Он родился в роддоме на улице Отке — единственной улице в городе, названной в честь чукотского писателя. Роддом был старым, двухэтажным, с облупившейся краской и вечным запахом хлорки и кипячёных пелёнок. Палата, в которой он появился на свет, выходила окнами на лиман — залив, в котором Берингово море встречается с водами реки Анадырь. В тот день стоял мороз под сорок градусов по Цельсию — обычное дело для марта на Чукотке. Ветер дул с залива такой, что, казалось, стены здания дрожали, а снег скрипел под ногами так, что этот звук слышен был за квартал.

Мать Романа, Екатерина Алексеевна Романова, тридцати лет от роду, медсестра из местной поликлиники, не успела доехать до больницы. Машина скорой помощи — старый УАЗ с печкой, работающей через раз, — застряла в сугробе в двух кварталах от роддома. Снега намело за ночь по пояс, дворники не справлялись, колёса буксовали на льду, скрытом под свежим слоем снега. Водитель, пожилой чукча с обветренным лицом и руками, покрытыми шрамами от мороза, вышел, осмотрел сугроб, сплюнул и сказал:

— Сама доходи, — сказал он. — Рожать, так доходи. У нас не Европа. Тут Чукотка. Тут выживают сильные.

— Как? — спросила она сквозь зубы, сжимая живот руками, по которому уже прошла первая схватка — сильная, режущая, как ножом.

— Ногами. — психиатрии.

Екатерина Алексеевна вылезла из машины — в одних валенках, в старом пуховике, который грел, но не спасал от ветра, пронизывающего до костей. До роддома шла через сугробы по колено, а местами и по пояс, держась за живот и молясь всем богам сразу — и православным (крестик на шее был, бабушкин, серебряный, с выпуклым ликом Христа), и языческим, чукотским, о которых она знала только понаслышке от старожил, которые редко, но всё ещё собирались в тундре для своих обрядов. И тем, которым молились её предки-чукчи, оставши-

еся где-то в тундре, в кочевьях, в прошлом, которого она почти не помнила, — потому что её родители переселили в посёлок ещё до её рождения, оторвали от корней, языка, веры.

Акушерка, коренная жительница Анадыря, принимавшая за свою жизнь сотни детей из русских, чукотских, эскимосских семей, приняла роды, когда Екатерина Алексеевна уже лежала на койке, обессиленная, мокрая от пота и крови. Врач успел как раз — схватила ребёнка, взвесила, посмотрела и сказала:

— Рыжий. Веснушчатый. Будет везучим.

Мать улыбнулась, хотя улыбка вышла слабой и быстро угасла. Врала.

Врала себе, врала сыну, врала жизни.

Отца у Романа не было — Екатерина Алексеевна родила сына от случайной связи с моряком с проходившего мимо Анадыря сухогруза, который зашёл в порт на разгрузку и простоял три дня. Моряк был молодым, красивым, с синими глазами и такой же рыжей шевелюрой, как у новорождённого. Он пообещал вернуться, писал письма — три месяца, потом перестал. Может быть, забыл, может быть, не знал, может быть, ему было всё равно. Может быть, погиб в кораблекрушении у берегов Камчатки — о таких случаях не пишут в газетах, не сообщают родственникам. Мать долго ждала письма, потом перестала ждать. Выбросила его фотографию — единственную, где они были вместе, на фоне своего сухогруза, обнявшись, смеясь — и больше никогда не говорила о нём.

— Папа в море, — говорила она, когда Роман спрашивал. — Ушёл в рейс. Долго идёт. Не может вернуться.

— А когда вернётся? — спрашивал Роман в четыре года, в пять, в шесть.

— Скоро, — отвечала мать, отводя глаза.

Роман рос без отца, но не чувствовал себя обделённым. Мать работала сутками — уходила на смену ранним утром, возвращалась поздним вечером. Бабушка — старенькая, с клюкой, с вечно вязавшая носки, кофты, шапки — сидела с внуком. На Севере все так жили — мужчины уходили в море, на рудники, на промыслы, женщины работали в больницах, школах, магазинах, дети росли сами по себе, предоставленные улице, двору, ватаге таких же полусирот при живых родителях.

Первое воспоминание Романа — тундра. Белая, бесконечная, до горизонта, где небо сливается с землёй, и непонятно, где что кончается. Он стоит на пригорке за городом — мать взяла его с собой на вызов в отдалённое стойбище, за шестьдесят километров от Анадыря, на вездеходе, грохочущем и трясущемся так, что зубы стучали. Ветер дует в лицо — сухой, колючий, обжигающий. Снег искрится на солнце — ярко, больно для глаз. Вдалеке — олени. Много оленей, сотни, тысячи — серо-бурая масса, движущаяся, как единый организм.

— Мам, — спросил Роман, глядя на оленей. — А они куда идут?

— На юг. Где теплее.

— А мы пойдём на юг?

— Нам нельзя, — ответила мать, кутаясь в шубу. — Наша земля — здесь.

—

Бабушка вяжет свитер для него — шерстяной, колючий, из оленьей шерсти, которую она сама пряла, но тёплый, такой, что в любой мороз не замёрзнешь. Волосы бабушки седые, гладкие, заплетённые в тугую косу, уложенную короной на макушке. Она сидит у окна, вяжет спицами, которые мелькают в её узловатых пальцах, как живые.

— Внучек, — говорит бабушка, поправляя очки в металлической оправе, — ты кем вырастешь?

— Космонавтом, — отвечает Роман, строя из подушек космический корабль.

— Космонавтом хорошо. Только летать далеко. Я тебя не увижу.

— А ты со мной полетишь.

— Нельзя, внучек. Старая я.

— Тогда я не полечу.

— Полетишь, — вздыхает бабушка. — У тебя путь дальний. Я чувствую.

Роман не понимал — ему было пять. Потом вспоминал эти слова как пророчество.

В детском саду его дразнили — «рыжий», «конопатый», «чукча», «красный как лиса». Он не обижался — давал сдачи. Кулаки у него были крепкие, хоть и детские, мальчишечьи. Никто не мог его победить — ни Серёжка Кравцов, ни Витька Чеботарёв, здоровенный второгодник, оставшийся в саду на перевоспитание.

Мать вызывали в сад, воспитательница жаловалась:

— Ваш мальчик дерётся. Его боятся другие дети.

— А чего они дразнят? — спрашивала мать, глядя воспитательнице прямо в глаза.

— Дети есть дети, — пожимала плечами воспитательница, полная женщина с красным лицом и вечным запахом корвалола.

— Мои дети не дерутся, — говорила мать и уходила, держа Романа за руку.

На улице она останавливалась, приседала, чтобы смотреть ему в глаза, и говорила:

— Рома, ты не дерись. Ты умнее их. Ты сильнее их. Ты выше этого.

— А если они меня трогают? — спрашивал Роман, вытирая разбитую губу.

— Иди к воспитательнице.

— Она не помогает.

— Тогда уходи. Молча. Без драки. Это тяжелее, чем ударить. Но это правильно.

Роман пытался. Не всегда получалось.

В школе он учился средне — тройки, четвёрки, без пятёрок. Учителя говорили: «Способный, но ленивый». Читать любил — приключения, фантастику, иногда — стихи, когда не видели одноклассники. Жюль Верн, Майн Рид, Александр Дюма — отцы, братья, наставники, которых у него не было.

Лучше всего давалась физкультура — бегал быстрее всех, дальше всех, выше всех. Учитель физкультуры, бывший биатлонист, участник Олимпийских игр в Лейк-Плэсиде (травма, не дошел до пьедестала), говорил:

— Из тебя, Романов, выйдет бегун. Или лыжник. Или биатлонист. Телосложение позволяет. Характер — тоже.

— А кем лучше? — спрашивал Роман.

— Тот, кто не боится, — отвечал учитель. — Ты не боишься.

— Чего?

— Всего. Ты вообще не боишься. Это хорошо. И плохо. Хорошо — потому что смелый. Плохо — потому что глупый. Смелость без головы — это смерть, Романов. Запомни на всю жизнь.

— Запомнил, — кивал Роман.

— Не запомнишь, — вздыхал учитель.

Мать работала медсестрой в поликлинике — ставила уколы, перевязывала раны, ассистировала врачам, ночами дежурила. Зарплата — двести рублей, потом триста, потом пятьсот, когда подняли после перестройки. На эти деньги она кормила себя, сына, мать. Жили бедно — картошка, макароны, рыба (дешёвая, минтай, иногда кета — по праздникам, когда отец присылал... не отец, никто), хлеб, чай. Мясо — по большим праздникам, шашлык на 9 Мая, на день рождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.